

ВИДОВАЯ И ВНУТРИВИДОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Н.Н. ИВАНОВА

Кафедра современной истории России
Российский государственный гуманитарный университет
125567, г. Москва, Миусская пл., д. 6

Статья посвящена проблемам источниковедческого изучения источников личного происхождения. Цернистенное внимание уделено способам осмыслиения специфики источников личного происхождения на уровне их видовых и внутривидовых характеристик в советской и российской историографической традициях, предлагается и авторское понимание этой специфики. При корректном определении вида и разновидности изучаемого исторического источника становится возможным наиболее адекватно выявить и проанализировать специфику информации источника, ее полноту и достоверность, характер форм выражения информации источника.

В последнее время в гуманистике все более и более актуализируется проблематика исследований социокультурных представлений в качестве основания межкультурного диалога, представлений о Другом. Эта проблематика уже стала объектом пристального внимания со стороны интеллектуальной истории, новой культурной и новой социальной истории, социологии, а также отчасти новой локальной истории. Несмотря на актуальность данной проблематики, адекватные методы анализа межкультурного диалога недостаточно разработаны. При изучении проблем социокультурных представлений первостепенное значение приобретают проблемы источника и метода, корректности выбора объекта изучения и объекта «представления», формирования источниковской базы исследования, соотношения в ней различных видов исторических источников, корректности сопоставления различной информации, в них заключенной.

Социокультурные представления, интеллектуальная жизнь общества и индивидуума различным образом представлены в обыденной языковой культуре и публицистике, научной литературе и периодической печати, официальном делопроизводстве и беллетристике, в мемуарной и эпистолярной культуре. В источниках же личного происхождения, с одной стороны, фиксируются впечатления от взаимодействия с Другим, от знакомства с иным способом восприятия, осмыслиния и конструирования культурной, интеллектуальной, социальной, политической, экономической реальности. А с другой стороны, именно в дневниках, мемуарах и переписке запечатлен процесс самосознания личности, ее внутренняя интеллектуальная жизнь.

Однако при изучении источников личного происхождения, как с точки зрения традиционных исторических вопросов, так и с точки зрения проблематики изучения межкультурного диалога, возникает ряд сложностей источниковедческого характера.

Еще в советской историографии сложилась так называемая проблема специфики дневников, мемуаров и переписки как исторических источников.

Всплеск интереса к изучению источников мемуарного характера в советской исторической науке приходится на послевоенный период и более всего на 1960-е – 1980-е гг. Этот интерес проявлялся как в опубликовании собственно дневников, мемуаров и переписки, так и в появлении учебных пособий, различного рода указателей и справочников, в которых раскрывались принципы работы с источниками личного происхождения, происходил их учет, систематизация и классификация. Показательной в этом смысле является тенденция роста числа учебных пособий по источниковедению для высших учебных заведений и то место, которое занимали в них главы, посвященные принципам изучения источников личного происхождения¹. С конца 1950-х гг. публикуются исследования, учебные пособия, справочники как специально посвященные изучению источников личного происхождения, так и просто включающие в себя отдельные главы или разделы по этой проблеме. Наиболее массовый характер эти публикации приобретают к концу 1960-х – 1970-м гг.²

При этом существенным «недостатком» источников личного происхождения советские историки называли присущую им субъективность, которая выражалась, по их мнению, в оценочных суждениях и размытиях авторов дневников, мемуаров и писем: «...ценностей мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна»³.

Таким образом, основной чертой в определении специфики мемуаров, дневников и переписки как исторических источников источниковеды 1940–1970-х гг. называли субъективизм этого вида источников. Небезинтересно обратиться к определениям воспоминаний, переписки и дневников как исторических источников в учебниках и учебных пособиях этого периода, с целью проанализировать сложившиеся к этому моменту в советском источниковедении взгляды на источники личного происхождения.

Основные типы определений источников личного происхождения сводились или к характеристике внешних признаков источника и его отличий от иных видов и разновидностей исторических источников, или же характеризовали дневники, мемуары и переписку исходя из систематизации содержания каждой из разновидностей⁴. При этом отметим, что источниковедческий анализ источников личного происхождения сводился к элиминированию авторского начала в источнике, снятию столь существенного «недостатка» этого вида источников, как субъективность, установлению достоверности сообщаемых в источнике фактов.

Такое понимание источников личного происхождения вполне закономерно вписывается в общее направление рассмотрения исторических источников в этот период. На данном этапе развития исторической мысли в СССР осмысление природы исторического источника было оптимально выражено в господствующем определении последнего – это все, откуда мы можем почерпнуть информацию о прошлом: «Исторические источники – всё, непосредственно отражающее исторический процесс и дающее возможность изучать прошлое человеческого общества»⁵.

Таким образом, в центр анализа советские историки ставили объективность и подлинность фактографического материала, получаемого из того или иного исторического источника⁶. Применительно же к источникам личного происхождения такая позиция приводила к восприятию мемуаристики как «второстепенного» вида источников, так как именно ему присуща наибольшая субъективность, именно он несет в себе наиболее выраженные черты авторского отношения и оценки⁷.

Качественно иной этап в исследовании источников личного происхождения относится к 1980 – концу 1990-х гг. и связан с работами А.Г. Тартаковского, посвященными изучению особенностей русской мемуаристики⁸. В своих фундаменталь-

ных трудах А.Г. Тартаковский рассматривает процесс формирования и эволюции мемуарного жанра в России, анализирует этапы развития мемуаротворчества как определенные уровни развития самоосознания личности и складывания исторического сознания в российском обществе.

Мемуаристика рассматривается им не как хранилище фактографической информации о прошлом, но как феномен культуры⁹, такое понимание природы исторического источника, мемуаристики в частности, приводит к постановке качественно иных задач в анализе мемуаров как вида исторических источников: исследователь ставит проблему типологии мемуарного жанра, его видовой специфики¹⁰.

Автор выделяет три основных видовых признака мемуаров, на основе которых и формирует тот методологический критерий для отбора, классификации, учета и отграничения мемуаров от других видов исторических источников: «Итак, мы подробно рассмотрели наиболее существенные признаки мемуаров – личностно-субъективное начало как их организующе-структурный принцип, ретроспективный характер воссоздания действительности и память как его специфическое средство. Эти три признака с достаточной и необходимой, на наш взгляд, полнотой раскрывают качественные особенности мемуаров как вида источников и могут явиться основой для построения типологии мемуарного жанра»¹¹.

Однако, переходя непосредственно к реконструкции корпуса мемуаров, посвященных Отечественной войне 1812 г., А.Г. Тартаковский вводит иное понимание мемуаров, что связано с уточнением представления о единице учета мемуаров. И в этой ситуации автор вводит понятие «мемуарного произведения»: «Под «мемуарным произведением» мы разумеем связный, внутренне законченный в сюжетно-тематическом отношении мемуарный текст, объединенный общим замыслом и существующий в форме традиционного мемуарного повествования или каких-либо иных видов источников»¹².

Но остается непроясненным вопрос о соотношении «мемуаров» как вида исторических источников и «мемуарных произведений», принятых автором за единицу учета воспоминаний. При таком смещении принципов учета мемуаров происходит перенос акцента с изучения собственно мемуаров как исторических источников на изучение текстов мемуарного характера.

Несмотря на сформулированный Тартаковским видеообразующий для мемуаров критерий – первичную социальную функцию, автор использует в своем исследовании такую единицу учета воспоминаний, которая позволяет ему ввести в анализируемый корпус в качестве предмета исследования «мемуары в форме иных видов источников». При этом важно подчеркнуть, сколь разнообразен, по мнению А.Г. Тартаковского, состав видов исторических источников, в форме которых существует этот род мемуаров – это эпистолярные источники, деловые документы служебного назначения, историко-критические труды, дневники¹³.

Однако необходимо отметить, что даже при наличии в текстах источников других видов отдельных повествовательных отрывков, носящих мемуарный характер (что вполне может отвечать сформулированным А.Г. Тартаковским видовым признакам мемуаров – личное начало, ретроспективность и память), их первичные социальные функции будут отличаться. Очевидно, что целеполагание авторов других видов нарративных источников будет совершенно иным, нежели целеполагание авторов мемуаров, понимаемых как особый вид исторических источников.

Таким образом, сближение понятий «мемуары», как вид исторического источника и «мемуарное произведение», как текст мемуарного характера, выглядит не совсем корректным.

Мы же исходим из следующего понимания источников личного происхождения: «группа видов исторических источников, функцией которых является установление межличностных коммуникаций в эволюционном и коэкзистенциональном целом и автocomмуникации. Они наиболее последовательно воплощают процесс самоосознания личности и становления межличностных отношений»¹⁴. Эта специфика выявляется на основании источниковедческого метода исследования, когда исторический источник понимается как «реализованный продукт человеческой психики», а исследование исторических источников соответственно основано на принципе «признания чужой одушевленности», признании «чужого Я». Основной исследовательской задачей при таком подходе является понимание человека прошлого на основании анализа его психической деятельности, объективированной в исторических источниках.

При таком понимании природы исторических источников вообще, и источников личного происхождения в частности, на первый план выдвигается цель создания того или иного произведения, т.е. возникает проблема определения целеполагания автора источника: «... в них неизменно присутствует нечто общее, что и позволяет говорить о единстве целевого назначения мемуаров, стремление личности запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмысливать себя и свое место в нем»¹⁵. Однако важно подчеркнуть здесь и функциональное значение источников личного происхождения как группы видов исторических источников – установление межличностной коммуникации и автocomмуникации, т.е. установление вторичных социальных связей¹⁶.

Такие функционально разнонаправленные способы установления вторичных социальных связей и обуславливают, на наш взгляд, деление источников личного происхождения на разновидности: мемуары, дневники и переписку.

При таком понимании принципов деления источников личного происхождения на разновидности, становится очевидным, что критерием для этого разграничения является, с одной стороны, целевое назначение источника – установление вторичных социальных связей, с другой – функциональные различия в способах достижения этой цели. С этим связана и специфика нашего осмысления некоторых особенностей источников личного происхождения.

Многие исследователи указывали на близость дневников и мемуаров как исторических источников¹⁷, другие зачастую объединяли их в один вид источников¹⁸. Однако и те и другие отмечали функциональную и генетическую близость мемуаров и дневников, что, в свою очередь, позволяло говорить о так называемых смешанных формах мемуарно-дневниковых произведений: «Наиболее распространение проявление этого – использование ранее веденного дневника при составлении мемуаров, когда он помогает воскресить образы прошлого в памяти мемуариста и служит основой для воссоздания фактической канвы событий»¹⁹. А.Г. Тартаковский считает, что такого рода повествовательные источники, сочетающие в себе признаки как мемуаров, так и дневника, являются особой промежуточной разновидностью источников личного происхождения: «Это особая разновидность повествовательных источников, промежуточное жанровое образование, которое со строго источниковедческой точки зрения, точнее всего, следовало считать *ретроспективно обработанным дневником*»²⁰.

С нашей точки зрения, в этой ситуации неправомерно говорить о смешении двух разновидностей источников личного происхождения или же о существовании некой особой переходной разновидности, т.к. изначально дневник (в том виде, в котором он создавался) не предназначался автором для обработки с целью создания мемуаров, и, таким образом, он сохраняет в этой ситуации свои видовые особенно-

сти: автокоммуникативность и ориентированность на установление связей преимущественно в коэкзистенциональном целом. Сформированные же на его основе мемуары также остаются определенными в рамках своей видовой модели, т.е. создаются с целью установления коммуникации преимущественно в эволюционном целом, и зачастую уже в момент создания предназначаются к публикации.

Говоря об особенностях дневников, мемуаров и переписки как исторических источников, следует остановиться на проблеме существования этих разновидностей в формах иных видов источников, и с другой стороны – существования других видов источников в форме дневников, мемуаров и переписки, например: мемуары в форме дневниковых записей, дневник в форме писем. Подчеркнем, что речь здесь идет именно о внешней форме того или иного произведения, а не о существовании текста мемуарного или дневникового характера внутри текста источника той или иной видовой принадлежности, о возможности этого говорит А.Г. Таргаковский, вводя понятие «мемуарного произведения»²¹.

В этой связи возникает исследовательская задача поиска адекватных критериев разграничения такого рода источников. На наш взгляд, задача эта может быть решена путем следования избранному нами методологическому принципу: классификации источников согласно их целевому назначению, т.е. изначальным и окончательным критериям отнесения каждого конкретного источника в той или иной форме существующего к определенному виду или разновидности служит целеполагание его автора. И таким образом, изменение внешних признаков источника, т.е. его формы, не дает нам право переквалифицировать его в другую разновидность или вид исторических источников, именно цель создания, а не его внешняя форма определяют видовую принадлежность источника.

Значимость точного определения не только вида, но и разновидности изучаемого источника обусловлена взаимозависимостью между видом и разновидностью источника и содержащейся в нем информации. Вид и разновидность изучаемого произведения позволяют наиболее адекватно выявить и проанализировать специфику информации источника, ее полноту и достоверность, характер форм выражения информации источника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Саар Г.П. Источники и методы исторического исследования*. – Баку, 1930; *Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.* – М., 1940 – Т.1.; *Никитин С.А. Источниковедение истории СССР XIX в.* – М., 1940. – Т.2.

² См.: *Черноморский М.Н. Мемуары как исторический источник*. Учеб. пособие. – М., 1959; *Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР*. – М., 1962; *Курносов А.А. Методы исследования мемуаров: Автoref. дисс. ... к.и.н.* – М., 1965; *Голубцов В.С. Мемуары как источник по истории советского общества*. – М., 1970; *Источниковедение истории СССР XIX – начала XX вв. / Отв. ред. И.А. Федосов*. – М., 1970; *Биск И.Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории*. – Тамбов, 1971; *Источниковедение истории СССР / Под. ред. И.Д. Ковалченко*. – М., 1973; *Булканец Е.Г. Мемуарные источники*. – Казань, 1975; *Источниковедение отечественной истории*. 1976. – М., 1977; *Воспоминания и дневники XVIII–XX вв. / Под. ред. Житомирская С.В.* – М., 1976; *Воронкова С.В. Проблемы источниковедения истории России периода капитализма*. – М., 1985; *История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: В 5 т. / Под ред. П.А. Зайончковского*. – М., 1976–1989.

³ *Зайончковский П.А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях*. – М., 1976. – Т. 1. – С. 6.

⁴ См.: *Голубцов В.С. Мемуары как источник...* – С. 38; *Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в...* – С. 351, 354, 459; *Беляевский М.Т. Указ. соч.* – С. 274–275, 281; *Тихо-*

миров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в... – С. 221; Никитин С.А. Источниковедение истории СССР XIX в... – С. 101, 144.

⁵ Пушкирев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М., 1975. – С. 62.

⁶ Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в... – С. 399.

⁷ См.: Черноморский М.Н. Мемуары как исторический источник. Учеб. пособие. – М., 1959. – С. 5–6.

⁸ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX века. – М., 1980.; *Он же. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв.: от рукописи к книге.* – М., 1991; *Он же. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в.* – М., 1997.

⁹ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика... – С. 4.

¹⁰ Там же. – С. 21.

¹¹ Там же. – С. 34.

¹² Там же. – С. 44.

¹³ Там же. – С. 64–87.

¹⁴ Румянцева М.Ф. Исторические источники XVIII – начала XX века // Источниковедение. Теория, история, метод: Учеб. пособие. – М., 1998. – С. 466.

¹⁵ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика... – С. 23.

¹⁶ Румянцева М.Ф. Исторические источники XVIII – начала XX века. – С. 319–322.

¹⁷ Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в... – С. 346.

¹⁸ См.: Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в... – С. 220; Годубцов В.С. Мемуары как источник.... – С. 36–37.

¹⁹ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика... – С. 37.

²⁰ Там же. – С. 38.

²¹ Там же. – С. 44; 64–87.

TYPOLOGY AND INTERNAL DIVISIONS CLASSIFICATION OF MEMORIES, DIARIES AND LETTERS: PROBLEMS OF SOURCE STUDY METHODOLOGY

N.N. IVANOVA

The Department of Contemporary History of Russia
Russian State University for the Humanities
6, Miusskaiia Sqr., Moscow, 125267 Russia

The article concerns the problems of the source study methodology applied to sources from private archives. The author's attention is focused on the methods used by Soviet and Russian historiography to conceive the specificity of such sources as well as their typology and internal divisions. One of the main points this article is putting ahead consists in the assertion that referring documents to an appropriate form and type makes it possible for the researcher to detect and analyse more productively the specific information it implies, fullness and authenticity of the latter as well as the particular form of its expression.